

КРИЗИСНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

CRISIS ASPECTS OF GLOBALIZATION

Е.В. Логинова

E.V. Loginova

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

Дается анализ системной ситуации в экономиках мира и в России в предкризисный и кризисный периоды.

The article gives analysis of the system situation in world's and Russian Federation's economies at the pre-crisis and crisis periods.

Ключевые слова: глобализация, кризисность, антикризисность, «пузырь», парадигма, конкурентоспособность, риск.

Keywords: globalization, crises, anti-crises, «bubble», paradigm, competitiveness, risk.

В кризис, как считает Нобелевский лауреат П. Кругман [1], вся мировая экономика «повернулась» разом. Кризис, как «инфекция», распространился быстро и подтвердил необходимость регулирования. Высокая зарплата топ-менеджеров сыграла негативную роль в падении, например, финансового сектора. Т. Шварц, отмечая кризис в сфере управления, выделяет равнодушие людей к своей работе, с чем бороться невозможно даже через особые мотивации. В свою очередь, ряд авторов предкризисность отмечали по-другому. Э. Гидденс в 2007 г. считал, что «глобальный порядок не назовешь устоявшимся и стабильным: он полон тревог и раздирается глубокими противоречиями (цит. по: [2]). Э. Бауман в 2004 г. этот момент отобразил, признав катализатором процесса глобализации «радикальный скачок» в развитии технологий, связанных со скоростью и появлением так называемых квазисуверенитетов. Если Т. Фридман [1] развитие глобализации свел лишь к трем версиям по этапам – от драйверов бизнес-процессов в форме межстрановых отношений (1.0) к корпоративным (2.0) и личностным (3.0), – то Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон (см. [2]) глобализацию рассматривают через пять аспектов неопределенности:

1) пространственно-временное масштабирование;

2) инфраструктурная реализация ресурсных потоков;

3) институциональное регулирование моделей взаимодействия во времени и пространстве;

4) стратификация как разрушение старых иерархий;

5) виды взаимодействия.

П. Туфано, М. Хофман, Р. Саймонс [3] попытались конкретизировать, признав, например, факторами кризисности тех лет следующие:

– раздача кредитов «всем»;

– дефицит платежей в США;

– принципы присвоения рейтингов.

В итоге – лопнул «кредитный пузырь». Оказалось, финансы очень сильно сконцентрированы, что реализовывала модель 25-летней стабильности, поощряя частные (несистемные) риски. Однако новые технологии финансового инжиниринга увеличили системные риски, нуждавшиеся в активном постоянном регулировании, но несчетные риски также требуют контроля, хоть и «неплотного». Авторы решающим фактором кризиса, тем не менее, признают, к примеру, «осмысление оправданности акционероцентричного управления» (когда предполагается, что благосостояние «всех» растет, если менеджмент заботится об увеличении акционерной стоимости организации).

Н. Флигстин [4] особо отметил следующую актуальную тенденцию: если в течение XX в. топ-менеджерами были производственники, затем маркетологи и финансисты, то кризис поставил задачу подготовки менеджеров по системным рискам. В свою очередь, Р. Каплан [5] предложил в качестве основы управления любыми рисками систему сбалансированных показателей, отмечая возможные опасности при оценках соотношения «риск / доходности»:

¹ Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2378.

– 1-й уровень («основа») – система оценки навыков и мотивации людей и ИТ-инфраструктуры для управления данными;

– 2-й уровень – бизнес-процессы как базис системы показателей;

– 3-й уровень – «потребительский».

К. Фаваро, Т. Ромбергер, Д. Меер [6] предложил пять антикризисных правил:

– учитывать интересы «нейтралов» (для увеличения своей доли рынка);

– минимизировать несоответствие спроса и предложения (в пользу клиентов);

– минимизировать так называемые «плохие» затраты (на то, за что клиент не платит);

– объединенность в кластеры (для роста новых возможностей);

– пересматривать конкретные бизнес-процессы в период кризиса.

Н. Райбман, К. Рогофф, Е. Кравченко, М. Оверченко [3] в данных условиях тревожно заявляют: кризис все ближе, риски серьезного глобального замедления высоки. Главная причина этому – глобальная экономика проходит лишь очередной этап турбулентности: глубокий длительный спад и медленное восстановление неизбежны, вероятность риска в США – 15 %, в ЕС – 80 %. А. Улюкаев и А. Кудрин утверждают хронический характер кризиса, в том числе в России, при наличии следующих тенденций: риски замедленного роста усилились, надолго новой «нормальностью» в мире стало снижение темпов роста (менее 5 % в год) [7]. Кроме того, кризис не привел к перестройке управления экономикой, но, снизив спрос, одновременно затормозил предложение. В то же время, по данным ООН, проявились особые обстоятельства, актуальные для выявления специфических тенденций в управлении глобальной, национальной и корпоративной экономикой.

Скажем, важные изменения связаны с ранжировкой стран (и их экономик) по критериям:

1. Масштаб и качество «онлайн-услуг».
2. Уровень развития ИКТ-инфраструктуры.
3. Человеческий капитал [7].

Считают, что национальное богатство в виде человеческого капитала (в долларах США) по паритету покупательной способности распределено на начало XXI в. следующим образом:

- мировой итог – 365 трлн дол., в том числе 90 тыс. дол. на душу накопления;
- G7 и ЕС – 215 и 360 соответственно;
- Россия – 30 и 400.

При таком распределении богатств инновационность изменений в управлении (через ранжировку по приведенным критериям) посткризисность характеризует такой иерархией:

1. Корея – общий индекс электронного правительства – 0,9283;

2. Нидерланды – 0,9125;

3. Великобритания – 0,8960;

4. Дания – 0,8889;

5. США – 0,8687;

...

9. Финляндия – 0,8505;

10. Сингапур – 0,8474;

...

27. Россия – 0,7245.

И. Валлерстайн попытался дать анализ динамичности глобальной кризисности [8]. Приведем некоторые обобщения с учетом известной позиции.

И. Пригожин неоднократно утверждал, что «мир, управляемый детерминистическими законами, и мир, управляемый Богом, отчуждены». Они имеют разные концепции и «стратегии» [9]. В этом случае представители управляемого мира концептуально раскололись, по мнению И. Валлерстайна, на четыре группы:

1) управление через построение жесткой (репрессивной) системы (с наличием открытых привилегий и т. д.);

2) управление через меритократическую систему профессионалов с «заимствованием» любых лозунгов, но без отказа от «поляризации» в обществе;

3) управление через максимально децентрализованный универсальный для всех мир и рациональность расходования ресурсов (без роста экономики и инновационности);

4) управление через преобразования сверху, кадры, мировой порядок с помощью глобализации координации деятельности.

Результаты их борьбы непредсказуемы. Глобализация показала, что при идеальной конкуренции существенную прибыль получать невозможно. Любая монополия, максимизируя свою прибыль, самопроизвольно реализует механизм своей самоликвидации через глобализацию рынков и одновременно – через саморазвитие новых технологий, производств, товаров, услуг, хотя цены легче повысить, чем снизить (так называемый «эффект храповика»). Важно, что из четырех возможных групп управляемого мира практически никто не решает задач предкризисных прогнозов: соответствующие процессы в настоящее время, по И. Валлерстайну, формируют кризисность через параллельные изменения. С одной стороны, глобализация настолько «раскачала» экономики, что нет (почти) сил возврата к равновесию. Вторых, иерархии неэффективны в условиях турбулентности рынков.

Как возможные результаты предлагаются пять сценариев реагирования:

1) краткосрочность действий для минимизации демонтажа старых систем, в первую очередь монолий;

2) непрерывность интеллектуальных международных дискуссий о стратегиях развития в условиях «пузырей», ноу-хау и т. д.;

3) создание повсеместно альтернативных способов производства;

4) непрерывность дискуссий по вопросам морали, нравственности и т. д.;

5) «бегство» от идеи, что «история на нашей стороне» и что разумные решения приходят «сами».

Если вульгаризировать проблематику через неформальное определенное паритета покупательной способности через количество «бигмаков», реальность обменного курса валют такова: Швейцария – 6,82, Норвегия – 6,6, Россия – 2,0 [10].

В условиях постиндустриальной фазы модернизации необходимо принимать во внимание следующие аспекты экономической политики.

Во-первых, отказ от промышленной политики в традиционном значении этого слова, т. е. от попыток определения долгосрочных отраслевых приоритетов, на которые государство могло бы сосредоточить внимание и сконцентрировать ресурсы. Пока все попытки такого рода проваливались, поскольку на самом деле не существует объективного критерия для выделения отраслевых приоритетов. Политика не должна ориентироваться ни на «назначение приоритетов», ни на «выбор победителей». Такие «подходы означали бы консервацию формирующихся пропорций, а попытка их практической реализации привела бы лишь к тому, что в качестве приоритетных выделялись сектора, обладающие максимальными лоббистскими возможностями. Гораздо важнее способность своевременно корректировать отраслевую структуру, при которой власть готова гибко защищать политическими (в том числе и внешнеполитическими) методами всех, кто добивается успеха в мировой конкуренции.

Во-вторых, выдвижение на передний план задачи обеспечения гибкости и адаптивности экономической системы, способность экономических агентств быстро и адекватно реагировать на вызовы времени. Адаптивность приходит на место концентрации ресурсов «в качестве ключевого ориентира государственной политики. Адаптивность гораздо важнее формальных показателей уровня экономического

развития, измеряемого данными о среднедушевом ВВП.

В-третьих, ограниченная возможность долгосрочных прогнозов и важность обеспечения максимальной адаптивности системы позволяют высказать гипотезу о том, что догоняющая страна в современном мире должна иметь более низкую бюджетную нагрузку на экономику, нежели у наиболее передовых стран мира. В этом состоит существенное отличие современного мира от индустриальной эпохи, когда догоняющие страны должны были концентрировать в бюджете гораздо больше ресурсов, чем страны – пионеры индустриализации.

В-четвертых, приоритетное значение для государства и частного предпринимателя имеют инвестиции в человеческий потенциал. Престижи в человеческий потенциал. Прежде всего это относится к таким сферам, как образование и здравоохранение. Последнее помимо гуманитарной составляющей может иметь значительный мультипликативный эффект. При всей условности подобного примера стоит отметить, что здравоохранение может в современных условиях сыграть ту же роль, что и железнодорожное строительство в индустриализации конца XIX в.

Группа авторов (А. Роман, Л. де Люка, Р. Зисис, Дж. Ян, К. Ке, Ш. Дай, Н. Ши, П. Кит, Р. Шап) изложили свои стратегии выхода из кризиса. К примеру, чтобы в условиях кризиса повысить прибыльность своего бизнеса, компании должны переходить к производству товаров более высокого уровня. Здесь проявляются новые возможности, в том числе для смены стиля руководства и изменений лидерства в сторону «главы семейного бизнеса», но профессионала. Центральное направление даже после кризиса формируют малый и средний бизнес. Более того, глобальные гиганты также реализуют новые методы – через временное партнерство с ними и разработку экологических продуктов, продвигаемых одновременно по всему миру.

Теми же авторами предложена визуализация к соответствующим интерпретациям ситуации через три латинских буквы:

- «V» – резкий взлет после резкого падения;
- «U» – плановый выход из рецессии;
- «W» – череда взлетов и падений.

А. Илларионов считает, что Россия к началу кризиса осталась примерно на том же расстоянии от США, как и в 1913 г. (0,28 и 0,144 соответственно) [11].

С. Грин в 2011 г. отмечал, что в будущем состояние экономики России в условиях стре-

нительно развивающихся индивидуальных стратегий формирования идентичности может функционировать на четырех феноменах:

1) внешней пассивности людей (при их пассионарности);

2) специфичности проявления так называемого «ресурсного проклятия» (изобилия как демпфера);

3) нарастания взаимного недоверия элиты и неэлиты;

4) «индивидуальной модернизации» как механизма примирения всех других феноменов.

Последний феномен сталкивается с агрессивной неподготовленностью, взаимной отчужденностью, социальными трениями и т. п. К осязаемым угрозам для России следует отнести низкий индекс развития человеческого потенциала (66-е место при продолжительности жизни в 68,8 лет (у США – 4-е место и 78,5 лет соответственно) [12].

В. Иноземцев также к этому аспекту относит начало промразработки в США сланцевого газа и отток капитала, превысивший 60 млрд дол. [13]. По данным «Финмаркета», как минимум в 11 регионах России уже имеются все черты признака кризиса, в 20 – два признака из четырех [14]. С. Демура в 2012 г. указывал на неизбежность возникновения межэтнических конфликтов [15]. Смена ментальной парадигмы ведет к трансформациям в экономике. К настоящему времени в рейтинге глобальной конкурентоспособности Россия занимает 66-е место (4,21 балла), Швейцария – 1-е (5,71), США – 5-е (5,43) [15].

К началу кризиса в России Е. Гонтмахер и Т. Малева так классифицировали структуру общества: 1–2 % – богатые; 15–20 % – средний класс; 60–65 % – прослойка между средним и бедным классами; 15–20 % – бедные; 5–7 % – социальное «дно» [16].

В. Разумов в 2004 г. даже предложил обоснования развивающегося экономического кризиса с помощью так называемого триадического метода, модернизируемого равносторонними «корпоративистскими» треугольниками внешних и внутренних взаимодействий таких категорий, как *противоречия* (между спросом и предложением, между социальной и экономической сферами, между общественным характером производства и способом присвоения), *диспропорции* (между стадиями воспроизводства, в рамках общественного разделения труда, внутривоспроизводственного процесса), *обусловленность цикличности* (психологическими и природными факторами, изменениями существующих СЭС, их функциями) [17].

Понятно, что практически перманентная кризисность настоящего времени вызывается набором тактических, стратегических и глобальных вызовов и угроз.

По М. Малыхину, менеджеры и бизнесмены, в том числе российские, отражают действительность через жалобы на:

– административные барьеры и бюрократизацию (32 %);

– коррупцию (по инстанциям) (28 %);

– непрозрачность всех процедур (26 %);

– слабое корпоративное управление (19 %) [18].

Видно, что лишь категория противоречий информационного порядка имеет место как кризисная. Г. Попов базу кризиса видит в финансовой организации глобальной экономики [19]. В то же время кризис вызывает конфликты всех категорий, проявляющихся на современном этапе по двум векторам развития: виртуально-финансовому (через «финансовые «пузыри») и информационному (через механизмы глобального управления). Если проблемами первого вектора являются инструменты в форме денег, кредита, процента, налогов и акций, то проблемами второго могут быть виртуальные экспансии и диффузии любых информационных процессов. Для постиндустриального порядка вещей в экономике, по Г. Попову, В. Иноземцеву и др., требуется сотрудничество трех блоков в условиях развития: частного, государственного и коллективного (при самоликвидации финансового вектора как самостоятельного).

Как считают В. Попов, А. Митрофанов, А. Дуэль и др., Россию «необходимо принуждать» к инновациям: к примеру, в глобальном постиндустриализме главным стало не оформление бизнес-процесса или удачное месторасположение, а способность взаимодействовать с потребителями в режиме «онлайн». В. Московцев при этом отмечает акцентирование «понууждения» России к сотрудничеству по сырью и клонированию западных (устаревших) моделей. В теории систем это рассматривается как «заполнение собой столетнего мейнстрима» и как обратимость необратимости, что нежизненно.

В нынешних условиях научно-методические заделы уже недостаточны. Как считают Н. Рубини, Г. Гасангаджиев и др., возникла необходимость очередной смены парадигмы развития с усилением роли госструктур, национально-топливных корпораций, интенсификации энергосбережения и т. д. Этому способствуют (по данным СМИ на примере России):

– правовая среда, не мешающая «виртуализации пузыря»;

- отрыв финансового риска от реального сектора;
- чрезмерная открытость мировому рынку;
- сдача конкурентных позиций;
- деградация научно-техно-экономической базы;
- подрыв социальной базы через пропасть между элитой и неэлитой;
- вырождение населения;
- взаимоистребление природы и человека

и т. д.

М. Товкайло, Ф. Стеркин отметили в данном контексте, что после вступления России в ВТО средняя импортная пошлина должна сократиться с 9,5 % до 6,0 %. Глобальная экспансия может вскоре стать однонаправленной [20]. В то же время, как считает М. Ершов, Россия уже перед кризисом 2008 г. стояла перед серьезными вызовами глобализации. Рубль по отношению к доллару США недооценивался в 1990 г. в 38,2 раза, в 1991 г. – в 50,5, в 1992 г. – в 13,8, в 2000 г. – в 4,2, в 2001 г. – в 3,9, в 2002 г. – в 3,5 раза [21].

Нестабильность и неравновесность социально-экономических систем налицо. Т. Шибара показывает пример, что если в 2000 г. добыча угля в КНР была больше, чем в России, в 5 раз, то в 2010 г. – уже в 10 раз [22].

И.Д. Котляров данный аспект свел к уровню (глубине) интеграции по трем концептуально-макроэкономическим моментам:

- франчайзинговому – как сбытовому участию в сети с общим брендом;
- виртуальному – как кратковременному, образованному из некоторых участников бизнес-процесса вокруг ядра;
- аутсорсинговому – как временному учету аутсорси при полном соблюдении автономии (интеграции); иначе – как наиболее эффективному методу временной интеграции [23].

Можно считать, что кризис 2008 г. в России связан именно с данной проблемой и, соответственно, с неэффективностью менеджмента на макроэкономическом и частном уровнях.

Из табл. 1 видно, что автор в своей позиции отличается от имеющихся взглядов, в которых многое отражает международный бизнес-менеджмент, т. е. международные отношения [23]. Качество управленческих услуг (даже в условиях кризиса) считается качеством услуг. Система менеджмента с учетом ее недостатков особо релевантна СЭС РФ, если усиливается глобальная интеграция бизнес-процессов. Кризисность особо актуальной становится в России. Считают, что возможны антикризисные меры, например – обеспечение условий сдерживания стабильности финансовых затруднений [24].

Таблица 1

Сопоставление разных подходов к анализу системной среды [23]

Системный элемент	Традиционный подход		Современный подход		Авторский подход	
	Восприятие	Механизм взаимодействия	Восприятие	Механизм взаимодействия	Восприятие	Механизм взаимодействия
Клиенты	Источник текущего дохода	Привлечение клиентов; побуждение клиентов к непрерывным покупкам новых товаров; максимизация цен	Источник долгосрочного благополучия компании (клиентский капитал)	Формирование долгосрочной лояльности	Источник кратковременных (содержательных услуг)	Интерес сторон
Конкуренты	Соперники за тот же сегмент рынка, угрожающие доходу компании	Вытеснение конкурентов с рынка; заключение картельных соглашений; поглощение (горизонтальная интеграция)	Партнеры по развитию отрасли; участники внутриотраслевого разделения труда	Заключение альянсов; взаимный аутсорсинг	Привлечение в «свой» бизнес-процесс (временно или по желанию)	Объединение (временно) в условиях кризисной ситуации
Маркетинговые посредники	Перекупщики, отбирающие часть доходов компании	Ценовое давление; поглощение (вертикальная интеграция)	Партнеры по созданию потребительской ценности	Партнеры по совместным программам продвижения товаров и услуг	Усиление конкурентности менеджмента	Сетевой маркетинг

Л. Михайлов основными признаками кризиса априори считал внешние и внутренние, в том числе кадровые. Вероятно, что последнее в финансовых структурах и сыграло основную роль.

А. Смирнов показал, что модель кризисности 2007–2008 гг. (секьюритивизация активности и финансовые нововведения) однозначно приводит к глобальным катастрофам (с вероятностью коллапса $\pm 27\%$), другими слова-

ми, – к кризису 2008 г. [25]. А. Белоусов проблему рассмотрел очень подробно, в том числе начиная с 1998 г., в результате чего разработал ряд стратегических аспектов (самопроизвольно реализованных через 10 лет):

– стихийность движения экономики России в сторону структурного равновесия (что неоднозначно);

– расширение инвестиционного потенциала экономики (что также стало неоднозначным);

– отсутствие финансовых рынков, в том числе условий расширения банковского кредитования;

– наличие «долговой экономики» без возможностей расширения воспроизводства и т. д. [26].

Такой подход, отображая возможные макроэкономические угрозы, уточняет ситуацию кризисности социально-экономических систем.

В США после кризиса 2008 г. внедрили систему General Services Administration руководства административно-хозяйственной деятельностью. Д. Легезо предложил в данном контексте следующую матрицу рисков (рис.).

Возможные потери ←	Высокие (средние)	Уменьшить или транслировать (средние риски)	Уменьшить и контролировать (высокие риски)	Война за таланты
	Низкие (средние)	Принять (низкие риски)	Исключить или уменьшить (средние риски)	Война за креатив

Матрица возможных кризисных рисков

Экономический и финансовый кризис 2008 и 2009 гг., по А. Оганяну, отразился и на российском фондовом рынке. Фондовый кризис наступил в мае, когда российские биржевые индексы перестали расти и началось их падение. Снижение котировок акций российских компаний переросло в обвал в конце июля.

В связи с серией приостановок торгов на российских торговых площадках в октябре объем торгов на ММВБ упал более чем наполовину: если в августе средние обороты биржи составляли около 150 млрд руб., то в октябре они упали до 60 млрд руб. В сентяб-

ре – октябре 2008 г. правительством России были объявлены первые антикризисные меры, призванные решить самую неотложную на тот момент задачу – укрепление финансовой системы России. Расходы бюджета, направленные на поддержку финансовой системы, превысили 3 % ВВП.

К кризисному и посткризисному этапам экономики России и близких по ВВП стран (Польша, Чехия, Португалия, Турция, Аргентина и др.) подошли со следующими формальными показателями (табл. 2).

Таблица 2

Структура экономики России и других стран [27]

Отрасль	Изменения структуры (%)	
	Мир (без России)	Россия
Сельское хозяйство	0,64	– 1,44
Добыча полезных ископаемых	6,85	2,24
Пищевая промышленность	– 0,37	– 0,43
Деревообработка	– 0,17	– 0,11
Нефтегазовая промышленность	2,73	– 0,09
Металлургия	0,26	– 0,21
Торговля топливом	– 0,61	– 0,08
Оптовая торговля	5,05	– 0,66
Розничная торговля	1,47	0,08
Финансы	0,07	0,4
Госуправление	– 0,48	0,31
Образование	– 1,93	0,53

Эти показатели России, по В. Миронову, – своеобразный «пузырь», который может неожиданно лопнуть и обнажить слабый неразвитый «скелет» отечественной экономики. «Индекс менеджеров по закупкам» (Purchasing Managers Index) к началу 2013 г. дал следующие результаты:

- в мире – 53,0 (из 100);
- ЕС – 47,9;
- КНР – 52,4;
- США – 54,2 (при индексе деловой активности в сфере услуг – 56);
- Россия – 54,9 [27].

В условиях сильных и непредсказуемых конъюнктурных (в том числе циклических) колебаний все активнее проявляет себя глобализация как сверхактивный «игрок», усиливая более тесное переплетение и взаимосвязи процессов и одновременно – нестабильность, хаотичность и кризисность.

К примеру, значения индекса JFO – индекса бизнес-климата, промпроизводства, поступления заказов в переработку – устойчиво показывают посткризисную, но негативную, тенденцию. По данным международной консалтинговой компании «Оливер Вуман», в этой связи традиционные факторы (актуальные данные, опыт, прозрачность, доверие к собственнику или менеджменту) уже не имеют решающего значения при принятии решений.

Возник новый рейтинг критериев:

1. Долгосрочное финансовое планирование.
2. Стратегия и бизнес-модель.
3. Финансовые данные текущего бизнес-года.
4. Конкурентная ситуация.
5. Доверие к _____.
6. Финансовые данные прошлых лет и т. д.

При этом, по данным ФТС РФ, в 2013 г. оборот торговли России со странами дальнего зарубежья (в основном G7) составил 49 878,4 млн дол. (101 % к уровню 2012 г.), из которых экспорт составил 32 879,5 млн (95 %), импорт – 16 998,7 млн (114 %).

К началу 2013 г. на долю ЕС пришлось 50,4 % товарооборота России (в 2012 г. – 49,3 %). Основными торговыми партнерами Российской Федерации были:

- КНР (оборот 6,1 млрд дол. (103 % к 2012 г.));
- Нидерланды (5,5 млрд дол. (91,1 %));
- ФРГ (4,7 млрд дол. (94,6 %));
- Италия (3,7 млрд дол. (122,8 %));
- Турция (2,7 млрд дол. (97,1 %));
- Япония (2 млрд дол. (103,7 %));

– Великобритания (1,8 млрд дол. (133,5 %));

– Франция (1,6 млрд дол. (100,8 %)) и др.

Из данных видно влияние недавнего кризиса, о некоторых факторах которого писал А. Богомолов в 2006 г. Это посткризисное влияние в основном еще сохранялось: масштабность разрыва между производством и потреблением (сужающим накопления), неразвитость рыночных институтов регулирования и саморегулирования, снижение эффективности госуправления и т. д. Кроме того, остается актуальной тенденция снижения (до ликвидации) фондотдачи, производительности труда, дисбаланса между экспортно-ориентированным и внутренне-ориентированным секторами и т. д. Можно предположить, что структура глобального рынка высокотехнологичной продукции существенно не менялась и в посткризисный период (страны G7: экспорт – 73,1 %, импорт – 64,3 %; страны АТР – 12,3 % и 9,4 % соответственно, в том числе КНР – 1,9 и 2,2 %; Россия (прогноз на 2015) – 0,4 % и 2,9 %). Заметна явная неравномерность глобализации и ее во многом негативность.

Как считает М. Дмитриев, учитывая тенденцию в мире, нельзя считать, что из кризиса наша экономика не выйдет в «неплохой» форме. Благоприятный сценарий выхода из кризиса резко ослабляет мотивы в глубоких структурных изменениях. Приоритет в России – реформы госуправления. Россия резко отстала от стран БРИКС (КНР, Индии, Бразилии и ЮАР) по рейтингу глобальной конкурентоспособности. Отсюда следует вывод о необходимости сосредоточиться на развитии конкурентной среды, дебюрократизации, социальной поддержки, помощи в поиске новых рабочих мест и т. д.

1. Громковский В. Не боги горшки обжигают // Harvard Business Review. – URL: <http://hbr-russia.ru/upravlenie/upravlenie-izmeneniyami/a9997/>.

2. Геополитика : хрестоматия / сост. А. С. Тургаев, А. Е. Хренов ; под ред. проф. А. С. Тургаева. – СПб. : СЗАГС, 2007.

3. Управление рисками в новом мире // Harvard Business Review. – URL: <http://hbr-russia.ru/upravlenie/proizvoditelnost-truda/a10038/>

4. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / пер. с англ. А. А. Куракина ; под науч. ред. В. В. Радаева. – М. : Высшая школа экономики, 2013. – 392 с.

5. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к

действию : пер. с англ. – М. : Олимп-Бизнес, 2003. – 304 с.

6. *Фаваро К., Ромбергер Т., Меер Д.* Пять антикризисных правил для розницы // Harvard Business Review. – URL: <http://hbr-russia.ru/prodazhi-i-marketing/marketingovaya-politika/a9992/>.

7. *Кувшинова О.* Ведомости. Хронический кризис. – URL: http://romir.ru/press/200_16.12.2011/.

8. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.

9. *Пригожин И.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.

10. Индекс Биг-Мака / Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_Биг-Мака.

11. *Илларионов А.* Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 54.

12. *Грин С.* Россия–2020: Недвижимое общество // Ведомости. – URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/259567/nepodvizhnoe_obschestvo.

13. *Иноземцев В.* Ощущение тревоги // Профиль. – URL: <http://www.profile.ru/ekonomika/item/73788-oshchushchenie-trevogi-73788>.

14. Кризис уже пошел по регионам России / Финмаркет. – URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3131605>.

15. *Демура С.* Новые бедные // Итоги. – URL: <http://www.itogi.ru/kapital/2012/48/184555.html/>.

16. *Гонтмахер Е., Малева Т.* Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. – 2008. – № 2. – С. 61–72.

17. *Разумов В. И.* Категориально-системная методология в подготовке ученых : учебное пособие. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. – 277 с.

18. *Малыхин М.* Олег Дерипаска: Отечественный бизнес недооценен из-за мифов о России // Ведомости. – URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/6834271/oleg_deripaska_ot_echestvennyj_biznes_nedoocenен_izza_mifov_o.

19. *Попов Г. Х.* О проблемах кризиса 2008 года. – М. : Информ-Знание, 2009.

20. *Товкайло М., Стеркин Ф.* Владимир Путин: из-за кризиса выросли риски для России от вступления в ВТО // Ведомости. – URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/6365811/vto_huzhe_krizisa.

21. *Ершов М.* Актуальные направления экономической политики. – URL: http://www.ershovm.ru/files/publications_document_19.pdf.

22. *Шибара Т.* Угольная отрасль России и Китая: интеграционные аспекты // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2012. – № 2.

23. *Котляров И. Д.* Внутренняя и внешняя среда фирмы: уточнение понятий // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 2. – С. 169–174.

24. *Михайлов Л. М.* Антикризисное управление в промышленности. – М. : Экзамен, 2004.

25. *Смирнов А.* Финансовый рычаг и нестабильность. – URL: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/13931592423d8da90739c2aaf8fe47b33311de818b/smironovVoprEco2012September.pdf>.

26. *Белоусов А. Р.* Эволюция системы воспроизводства российской экономики от кризиса к развитию. – М. : МАКС ПРЕСС, 2000.

27. *Титов Д.* Диверсификацией нашей экономики даже не пахнет // Экономика и жизнь. – URL: <http://www.eg-online.ru/article/205352/>.